3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

4. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.

5. Орлова О. В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 6 (96). С. 78−83.

6. Пименова М. В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.

7. Попова З. Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.

8. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004.

9. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Colleqium. 1993. №1. С. 33−41.

10. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2(28). С. 63−67.

11. ODE 2005: Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford University Press 2005.

12. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. М., 2006.

* * *

1. Vorkachev S. G., Kuznecova L.Je., Kusov G.V. [i dr.]. Lingvokul'turnyj koncept: tipologija i oblasti bytovanija. Volgograd, 2007.

2. Dzjuba E. V. Koncept «um» v russkoj lingvokul'ture. Ekaterinburg, 2011.

3. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004.

4. Karasik V. I. Jazykovaja kristallizacija smysla. M.: Gnozis, 2010.

5. Orlova O. V. Zhiznennyj cikl i miromodelirujushhij potencial mediakoncepta // Vestnik TGPU. 2010. Vyp. 6 (96). S. 78−83.

6. Pimenova M. V., Kondrat'eva O.N. Konceptual'nye issledovanija: ucheb. posobie. M.: FLINTA: Nauka, 2011.

7. Popova Z. D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika. M.: AST: Vostok – Zapad, 2007.

8. Slyshkin, G. G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: monografija. Volgograd: Peremena, 2004.

9. Shmeleva T. V. Kljuchevye slova tekushhego momenta // Colleqium. 1993. №1. S. 33−41.

10. Shmeleva T. V. Krizis kak kljuchevoe slovo tekushhego momenta // Politicheskaja lingvistika. 2009. № 2(28). S. 63−67.

11. ODE 2005: Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford University Press 2005.

12. Efremova T. F. Bol'shoj sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M., 2006.

World modeling potential of linguistic concepts in comparison: aspect of methods

There is considered the potential of the analysis methods of the world modeling potential of linguistic cultural concepts (by the example of the linguistic concepts TRADITION / ТРАДИЦИЯ). There is discussed the necessity of the comparative research of the linguistic concepts in the dynamic aspect through revelation of the vectors of the associative and sense development that reflect the pragmatic determination of the conceptual units in a particular discourse type.

Key words: *linguistic concept, world modeling potential of linguistic concept, comparative linguistics, methods of analysis.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2015)

Н.Е. ГРИГОРЬЕВА
(Псков)

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ РЕГИОНА В СИСТЕМЕ ЭТНОНОМИНАЦИЙ

Рассмотрена категория этничности национального языкового сознания диалектоносителей, воплощенная в этнономинациях. Система слов-этнонимов в псковской диалектной картине мира детерминирована культурно-исторической спецификой пограничного региона, что позволяет представить их в культурологическом, географическом, историческом, лингвистическом аспектах.

Ключевые слова: *диалектная картина мира, этноним, этнонимикон, этнический стереотип.*

Этнолингвистика как современное направление в языковедческой науке рассматривает языковые явления в совокупности всех аспектов исследования, направленных на выявление отношений и связей языка и традиционной духовной и материальной культуры народа. По словам Н.И. Толстого, «этнолингви-

© Григорьева Н.Е., 2015

стика выявляет народные стереотипы, формирующие этническую картину мира» [10, с. 27].

Этнонимическая лексика является объектом изучения этнолингвистики, обладающей неразрывной связью с ономастикой в целом. Т.А. Сироткина, исследуя этнические имена Пермского края, акцентирует внимание на том, что они «являются неотъемлемой составной частью ареальной лингвистики» [8, с. 170], позволяющей, на наш взгляд, раскрыть специфику национального самосознания этноса, определить категорию этничности в качестве маркированного признака, отличающего «своего» от «чужого».

Одним из ареальных этнонимиконов является состав этнонимов Псковского региона, имеющий такой отличительный признак, как «смешанность», который проявляется в формах существования культуры, этническом составе и особенностях языка на территории этноконтактного пограничья. Признак «смешанности», или, по словам Н.В. Большаковой, «смешения» [2, с. 13–18], по национальной принадлежности является территориально значимым для Псковской земли, т.к. пространство региона обусловлено близостью с Белоруссией и странами современной Балтии, что позволяет наблюдать за этноязыковыми явлениями, сохранившимися в псковской диалектной речи. К их числу традиционно относятся наименования топообъектов, названия отличительных признаков быта, условий проживания, внешнего вида, одежды, речи, а также особенностей традиционного уклада жизни этносов. Особое место в этом ряду занимают собственно этнономинации и их производные, используемые в диалектной речи.

В настоящее время территориальные диалекты, псковские говоры в том числе, являются средством накопления и трансляции признаков этнокультурного своеобразия региона. В сознании диалектоносителей присутствует определенный набор представлений о своей этничности и тех, кто проживает с ними по соседству.

Анализируя псковский этнонимикон, мы обнаружили, что в системе этнономинаций можно выделить ряд бинарных оппозиций, характеризующих непосредственное присутствие сведений о том или ином этносе. В статье использован материал преимущественно псковских говоров (хотя исследование в целом строится на более широком диалектном фоне).

Рассмотрим лексические противопоставления, описывающие этнос по национальному признаку. В псковских диалектных текстах и отдельных высказываниях актуализируются образы народов, имеющих глубокие корни и взаимные контакты на территории Псковской земли. Следует отметить, что закономерным является употребление этнономинаций в грамматических противопоставлениях форм единственного и множественного числа с проявлением собирательности. К их числу можно отнести такие этнономинации, как ***белору́сец***: *И* ***билару́сцы*** *в е́тай дире́вни сабира́юцца*. Нев. [6, I, с. 164]; ***латви́ец***, ***латви́нец***; ***латы́ш***, ***латы́шня***, ***латы́шняк***, ***латы́шьё***: *Ана́ [дочка] вы́шла за* ***латви́йца****. Оны́ бога́тыйи*. Дн. [Там же, XVI, с. 523]; *А муш у ёй был* ***латви́нец****.* ***Латви́нцы*** *хаpошые дъ меня́ бы́ли*. Локн. [Там же]; *Его́н а́тец был* ***латы́ш***. Печ. [Там же, с. 529]; *Ра́ньшэ ла́пти наси́ли, а э́та* ***латы́шня́*** *фсё виту́шки, верёвачьки таки́е то́ненькие*. Палк. [Там же, с. 530]; *Там фсё* ***латы́шня́к*** *жы́ли*. Стр. [Там же, с. 531]; *У Ла́твии христи́ли* ***лъты́шйо́***. Себ. [Там же]; ***чу́дь***; ***чухна́*** / ***чухня́***, ***чухно́***, ***чухо́нец***, ***чухня́к***, ***чухни́ще***: *Дет мой абрисо́вывал мне, што здесь наро́т тако́й ра́ньша жыл,* ***чуты́***. Гд.; *Вот* ***чу́ди****-та тут разгава́ривали на е́там языке́*. Гд.; *Така́я* ***чухна́****, на фсих чарте́й пахо́жа,* ***чухна́*** *хуть три и го́да ф катле́ вари́, фсё* ***чухна́***. Гд.; *А Я́на-та на* ***чухня́*** *пахо́жа*. Печ.; *Де́душка наш был* ***чухно́***. Кр.; *Та́ма* ***чухо́нцы*** *жы́ли*. Кун.; *Шёл са мно́й* ***чухня́к****, он глиде́л на не́бу*. Пск.; *Не люблю́ я э́тих* ***чухни́шшэф****, харашо́, што их отсю́да подобра́ли*. Печ.; ***эсто́нец***, ***кура́т***: *Зде́ся у нас ра́ньшы мно́га* ***эсто́нцеф*** *была, вайна́ зашла́, ани́ и удра́ли*. Гд. [5]; *Ф Печёрах мно́га* ***кура́тоф*** *жывё*. Гд. [6, XVI, с. 380].

Все перечисленные этнонимы функционируют в псковской диалектной речи в противопоставлении русским: *Ета* ***ру́ские*** *бы́ли*. Оп. [5]. Несмотря на ядерный характер этнонима *русские*, степень его употребительности в речи довольно низкая. Однако оппозиция является актуальной, потому что она, как правило, связана с онтологическими категориями: «свое – чужое», «мы – они», которые присутствуют в сознании человека, а «чужой» и «они» изначально маркированы отрицательно: *Нет лу́чшы ру́скава чилаве́ка,* ***ру́ских*** *и нет*. Печ.; *Яму́ ни отказа́ть ни чухну́, ни* ***ру́скаму***. Пск. [Там же].

Материал псковских говоров позволяет выявить ряд дифференциальных признаков, которые структурируют систему этнономинаций в целом: гендерный (мужской / женский), возрастной (взрослый / невзрослый), наименование ареала, занимаемого этносом. Использование словообразовательно активных форман-

тов при реализации вышеуказанных этнонимических моделей предполагает наличие общих тенденций образования слов-этнонимов. Так, псковская диалектная речь характеризуется полной, без лакун, реализацией словообразовательных моделей, отражающих общее гендерное противопоставление этнономинаций: 1) ***белору́сец – белору́ска:*** *Вы скабарки или* ***биларуски****, нарецыя-та у вас такая* [7, с. 258]; 2) ***латви́ец***, ***латви́нец – латви́нка***: *Есть у ниво́ там и* ***латви́нка****, латы́шка*. Остр. [6, XVI, с. 523], а также наблюдается синонимичное параллельное образование: ***латы́ш***[1] – ***латы́шка***[1], ***латыша́нка***: ***Латы́шка*** *пару́сски ни пилю́к*. Кр.; *Мы,* ***латыша́нки****: то́жа научи́лись гавари́ть па-латы́шски*. Печ. [Там же, с. 530]; 3) ***чухо́нец – чухо́нка***, ***чухо́ночка***: *Што́-та* ***чухо́нка*** *ве́рхнюю окно́ закры́ла.* Стр.; *Де́вачка-****чухо́начка****, наси́ ваду́ тихо́ничка.* Кун. [5].

Наряду с оппозицией по гендерному признаку в псковских говорах отмечаются этнопротивопоставления по возрастной составляющей. Для наименования представителя младшего по возрасту, как правило, ребенка, используются следующие этнолексемы: ***латышо́к:*** *У няё сын уе́хал у Ко́мию, и сястра́ у Ко́мяйи жывёть; с не́ю ма́льчик яё,* ***латышо́к***. Пуст. [6, XVI, с. 531]; ***чухнёнок / чухня́та***: *Ани́* ***чухня́та*** *э́ти ма́линки, из-за угла́ так вот выгля́дывайут, а мать им гавари́т: «Ни хади́ туда́, там ру́сские»*. Пл., *Ра́ньшь ря́бёнък хоть год жыви́, а фсё* ***чухнёнък****, няхре́сть*. Гд. [5].

Лексический состав рассматриваемых этнономинаций активно пополняется этнотопонимическими противопоставлениями одного типа, свидетельствующими об актуальности используемых в основе этнонимов: ***Латы́щина*** в значении ‘название Латвийской республики в составе бывшего СССР’: *Даро́гу павяду́ть харо́шую, шасе́ – в* ***Латы́шшыну*** *е́зьдить*. Палк. [6, XVI, с. 531]; ***Чухо́нщина*** ‘местность, деревни, где компактно жили представители финно-угорской народности сету, исповедующие православие (в окружении русских деревень – Сетомаа)’: *В нас и ра́ньшъ я́рманки ни были, эта ф* ***Чухо́ншыны*** *бы́ли.* Пл. [5]. Помимо неофициальных наименований, на карте Псковской области присутствуют и реальные топонимы, внутренняя форма которых соотносима с наименованиями прибалтийско-финской народности (*чудь*, *чухно*): *Чудское озеро*, деревни *Чудская Рудница*, *Чудские Заходы*, *Чухново*, *Чухонские Заходцы*, *Чухонское Загорье*, *Чухны*, *Чухово*, *Чухонское*, однако это тема для отдельного исследования [9].

Таким образом, в лексическом материале современных псковских говоров выявляется ряд типологически сходных дериватов, которые возможно представить как оппозиционные модели этнономинаций, отражающих историко-географические контакты между названными этносами на территории Псковского региона.

Этноним *русские* в псковских говорах функционирует в разных формах и употребляется для номинации представителей одного из восточнославянских народов. Поскольку этноним *русские* выступает в качестве маркированного члена этнонимической оппозиции, который всегда занимает сильное положение, то, естественно, он представляет собой ядро этнонимического пространства региона, в границы которого входят как собственно этнонимы, так и другие словоформы, называющие представителей русской национальности: *Я веть ру́ська*. Дед. [5]. Бинарность противопоставлений с другими национальностями связана с историческими событиями, характеризующими периоды Великой Отечественной войны и оккупации псковской территории [3, с. 152]. Оппозиционность также проявляется в альтернации *русские – нерусские*, наполненной в большей степени отрицательными коннотациями (неодобрительность, презрительность, уничижительность): *Нае́хафшы туда́ и* ***няру́скы****, фся́кы там*. Печ.; *Не люби́* ***неру́ских****, ни наде́лъл бы дело́ф*. Дн. [6, XXI, с. 227]. Возникновение признака экспрессивности у этнонимов, по словам А.И. Грищенко и Н.А. Николиной, связано с «субъективно-эмоциональным отношением к этим этносам» [4, с. 177] и объясняется устойчивостью этнических стереотипов в сознании и языке этносов по отношению друг к другу. Согласно определению Е.Л. Березович, что подтверждается и псковским диалектным материалом, «этнический стереотип – это устойчивый комплекс народных представлений о каком-либо народе, нации, отражающий особенности народной “ксенопсихологии”» [1, с. 208].

Вместе с тем наблюдаемые признаки экспрессивности не мешают развитию лексико-семантической системы слов-этнонимов, поле которых включает производную адъективную, адвербиальную и глагольную лексику, образованную по общим деривационным моделям, ср.: (adj) *латы́шский*, *латви́йский*, *латви́нский*, *лати́нский*, *латыша́стый*, (adv) *по-латы́шски*, *по-латви́йски*, *по-латвински*, *по-лати́нску*, (verb) *латыша́ть*, *латыши́ть*, *латы́шкать*; (adj) *чухо́нский*, *чухо́новский*, *очухо́нский*, (adv)

по-чухо́нски, (verb) *зачу́хаться*, *начу́хать*, *начу́хаться*, *обчу́хаться*; (adj) *ру́сский*, (adv) *по-ру́сскому*, *по-ру́сски*, (verb) *обрусе́ть* и т.д. Более того, языковая картина мира псковского крестьянина, живущего длительное время на пограничной территории, содержит актуальные категории, базирующиеся на этнонимах, что способствует возникновению сопоставимых номинаций для обозначения реалий, понятий и предметов из разных сфер традиционной материальной и духовной культуры (ср.: *чухонская / немецкая прялка – русская прялка*, *чухонское / эстонское коромысло – русское коромысло* и др.).

Таким образом, исследуя функциональный состав этнонимов в псковской диалектной речи, возможно проследить, как категория этничности через слово-этноним способна отражать определенный этнический фрагмент картины мира диалектоносителя, связанный с формированием представлений о национальном многообразии, а геополитическая обусловленность региона позволяет назвать его зоной активных этнических контактов. Фактор пограничной ситуации позволяет через употребление этнономинаций наиболее активно выразить оппозиционные соотношения «свое – чужое», «мы – они».

Список литературы

1. Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2014.
2. Большакова Н.В. Мотив «смешения» как признак этноконтактной диалектной зоны (на материале псковских говоров) // VALODA – 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2013. Lpp. 13–18.
3. Григорьева Н.Е. Этноним «русские» в лексической системе псковских говоров // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2013. Вып. 3. С. 151–157.
4. Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: кол. монография / отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова // Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: УрГУ, 2006. С. 175–187.
5. Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина при СПбГУ).
6. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Вып. 1–25. Л.(СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2015.
7. Пурицкая Е.В. Вербализация представлений о языке в речи носителей диалекта // Севернорусские говоры: межвуз. сб. Вып. 8 / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 252–260.
8. Сироткина Т.А. Этнонимика как раздел ареальной лингвистики // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры: материалы Междунар. конф. V Чтения памяти акад. О.Н. Трубачева. Алупка. 25–30 сент. 2008 г. Киев; М., 2008. С. 171–174.
9. Справочник Административно-территориального деления Псковской области (1917–2000 гг.). Псков, 2002.
10. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

* * *

1. Berezovich E.L. Russkaja leksika na obshheslavjanskom fone: semantiko-motivacionnaja rekonstrukcija. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2014.
2. Bol'shakova N.V. Motiv «smeshenija» kak priznak jetnokontaktnoj dialektnoj zony (na materiale pskovskih govorov) // VALODA – 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2013. Lpp. 13–18.
3. Grigor'eva N.E. Jetnonim «russkie» v leksicheskoj sisteme pskovskih govorov // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogicheskie nauki. 2013. Vyp. 3. S. 151–157.
4. Grishhenko A.I., Nikolina N.A. Jekspressivnye jetnonimy kak primety jazyka vrazhdy // Jazyk vrazhdy i jazyk soglasija v sociokul'turnom kontekste sovremennosti: kol. monografija / otv. red. I.T. Vepreva, N.A. Kupina, O.A. Mihajlova // Trudy Ural'skogo MIONa. Vyp. 20. Ekaterinburg: UrGU, 2006. S. 175–187.
5. Kartoteka «Pskovskogo oblastnogo slovarja s istoricheskimi dannymi» (hranitsja v Pskovskom gosudarstvennom universitete i v Mezhkafedral'nom slovarnom kabinete im. prof. B.A. Larina pri SPbGU).
6. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi / pod red. B.A. Larina [i dr.]. Vyp. 1–25. L.(SPb.): LGU (SPbGU), 1967–2015.
7. Purickaja E.V. Verbalizacija predstavlenij o jazyke v rechi nositelej dialekta // Severnorusskie govory: mezhvuz. sb. Vyp. 8 / otv. red. A.S. Gerd. SPb.: SPbGU, 2004. S. 252–260.
8. Sirotkina T.A. Jetnonimika kak razdel areal'noj lingvistiki // Severnoe Prichernomor'e: k istokam slavjanskoj kul'tury: materialy Mezhdunar. konf. V Chtenija pamjati akad. O.N. Trubacheva. Alupka. 25–30 sent. 2008 g. Kiev; M., 2008. S. 171–174.

9. Spravochnik Administrativno-territorial'nogo delenija Pskovskoj oblasti (1917–2000 gg.). Pskov, 2002.

10. Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kul'tura. Ocherki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike. M.: Indrik, 1995.

Reflection of cultural and historic peculiarities of the region in the system of ethnic nominations

There is regarded the category of ethnic character of the national language mind of dialect bearers incarnated in ethnic nominations. The system of ethnonyms in the Pskov dialectal world picture is determined by the cultural and historic peculiarities of the frontier region, which allows considering them in the culturological, geographic, historic, linguistic aspects.

Key words: *dialectal world picture, ethnonym, ethnic stereotype.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

Т.Е. ГРЕВЦОВА
(Ростов-на-Дону)

МОТИВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОБРЯДОВЫЙ ХЛЕБ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ СВАДЕБНОМ РИТУАЛЕ

Рассматриваются мотивационные возможности культурных терминов, обозначающих обрядовый хлеб в восточнославянской свадьбе. Выделено три группы названий, производных от терминов со значением обрядовой выпечки: наименования эпизодов свадьбы, ее персонажей и атрибутов. Определены особенности каждой группы названий и причины их появления.

Ключевые слова: *восточнославянский свадебный обряд, культурный термин, обрядовый хлеб, мотивационные возможности.*

В отношении к понятию мотивации каждое слово может быть охарактеризовано, с одной стороны, как производное или непроизводное (мотивированное или немотивированное), а с другой – как способное или неспособное служить мотивационной базой для новых наименований. Замечено, что исследования мотивационных возможностей (потенций) слов и так называемых «внешних мотивационных моделей» (в противоположность «внутренней» мотивации, заложенной в самом слове [36, с. 192]) выходят за рамки языковой системы, «во-первых, в сферу текстов (начиная от паремиологии и включая фольклорные, мифопоэтические, заклинательные и т.п.), а затем в сферу ритуала, повседневной практики, верований» [Там же, с. 202].

Изучение мотивационной продуктивности культурных терминов, которые одновременно принадлежат языку и культуре и называют семиотически значимые реалии, отвечает одному из главных требований, предъявляемых к исследованию обрядовой лексики, – системному подходу, способствующему более эффективной реконструкции древней духовной культуры [37, с. 218]. Такой анализ позволяет выявить связи между разными компонентами ритуала и определить наиболее значимые из них, наименования которых чаще других становятся мотивационной базой для обрядовых терминов.

Исследователи неоднократно отмечали, что ритуальные действия с хлебом занимают важное место в структуре славянского свадебного обряда. Значимость обрядового использования выпечки также подтверждается мотивационными возможностями ее названий. Комплекс терминов свадебного ритуала, так или иначе связанных с обрядовым хлебом, охватывает не только названия видов печения, но и производные от них наименования. В данной статье мы рассмотрим следующие группы обрядовых терминов, мотивированных названиями свадебной выпечки: 1) наименования эпизодов свадьбы; 2) наименования ее участников; 3) наименования ее атрибутов. Материалом для исследования послужили словари диалектной лексики русского, украинского и белорусского языков, опубликованные исследования, посвященные свадебному обряду восточных славян, неопубликованные материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (далее – ПМДЭЭ ЮФУ).

1. Названия эпизодов свадьбы. Использование названий обрядовой выпечки в каче-

© Гревцова Т.Е., 2015